

СЕМЕЙНЫЕ ФОТОХРОНИКИ КУПЦА БОРИСА ВОСТРЯКОВА. ФОТОГРАФИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ИЗ АРХИВА А.В. ЖИВАГО (1860–1940)

Автор текста Анна Каск

*Б.Д. Востряков на полевых
испытаниях собак. Фото
А.В. Живаго. Фрагмент. 1897*

Отдел визуальной информации ГМИИ им. А.С. Пушкина продолжает публикацию фотографий конца XIX – начала XX века из архива [А.В. Живаго](#), обратившись на этот раз в основном к любительской семейной фотографии. Одним из самых умелых и увлеченных фотографов из тех, чьи снимки сохранил Александр Живаго, был его двоюродный брат Борис Дмитриевич Востряков (1875–1937)¹. В виртуальном альбоме представлены снимки, сделанные им самим и фотографами-любителями из его окружения, реконструирующие частный мир Бориса Вострякова и его близких².

Не исключено, что кузены, дружившие на протяжении всей жизни, увлеклись фото-графированием одновременно. Во

¹ Б.Д. Востряков – двоюродный брат А.В. Живаго по матери, Евдокии Родионовне (1838–1912; урожд. Вострякова), он сын ее брата, Дмитрия Родионовича Вострякова (1845–1906), и Клавдии Герасимовны Востряковой (1853–1899; урожд. Хлудова).

² В тех случаях, когда представленные в виртуальном альбоме фотографии не были прокомментированы собирателем или подписаны автором, атрибуция дается на основе сравнительного анализа содержания снимков.

всяком случае, в Русское Фотографическое общество (РФО) в Москве они вступили оба в 1897 году. Журнал «Фотографическое обозрение» сообщал, что на собраниях Общества, объединявшего самых видных московских фотографов XIX века, по крайней мере, дважды демонстрировались диапозитивы, выполненные Востряковым. В это время фотография в России еще только становилась массовой практикой, уходя из сферы весьма дорогостоящих

*Б.Д. Востряков с детьми Кирией и Игорем.
1910-е. За предоставленное фото
благодарим А.А. и М.А. Калмыковых.*

увлечений.

Борис Востряков происходил из знаменитого купеческого рода Хлудовых, хорошо известного всем интересующимся историей российского предпринимательства. Востряковы находились на самом верху московской купеческой иерархии, успешно продолжая вместе с другими наследниками Г.И. Хлудова управление текстильной мануфактурой в Егорьевске, семейными торговыми предприятиями, московскими доходными домами и поддерживая традиции щедрой благотворительности.

Среди родственников Б.Д. Вострякова немало фигур незаурядных, ярких, обладающих самыми различными

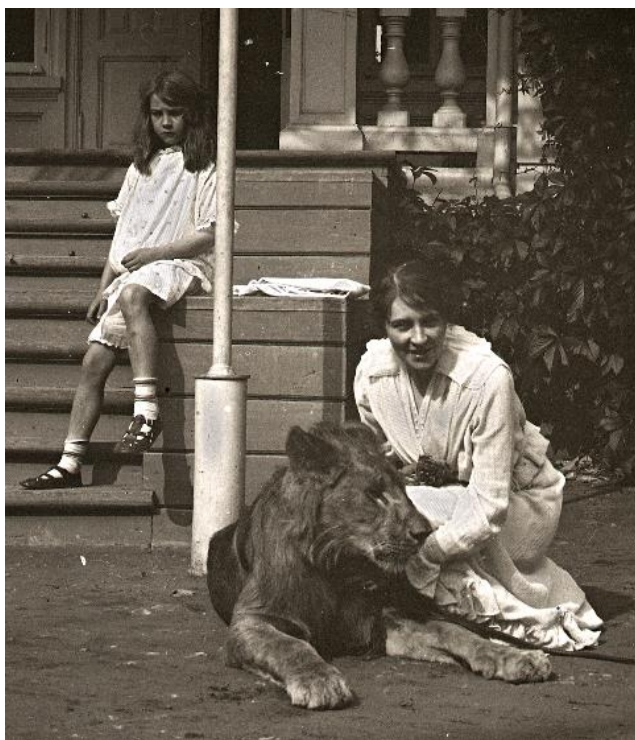
талантами и отличающихся широким диапазоном увлечений – от страсти к кутежам на широкую ногу до склонности к вдумчивому коллекционированию

книг и предметов искусства³. Круг интересов самого Бориса Дмитриевича широк, и стеклянные негативы, хранящиеся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, могут немало рассказать об этой деятельной личности.

К самым ранним съемкам из архива А.В. Живаго относятся более сотни кадров, привезенных двадцатидвухлетним Б.Д. Востряковым из Соединенных Штатов Америки, где он побывал в 1896–1897 годах по делам семейной бумагопрядильной мануфактуры. Востряков с фотоаппаратом в руках осмотрел хлопковые плантации, ознакомился с процессами сбора хлопка, его упаковки, перевозки и погрузки на суда. Как страстный охотник, он также не упустил случая поохотиться на уток в Мексиканском заливе; как любознательный турист, съездил через полстраны взглянуть на Ниагарский водопад. Несколько очень удачных кадров сделаны им в Новом Орлеане. В них слышится пульс промышленного города и музыка карнавалов Марди-Гра. В фокус камеры попал и знаменитый танцевальный павильон Маннесье на набережной озера Пончартрейн, где оркестрами и «бэндами» уже исполнялась новая импровизационная музыка, сыгравшая важную роль в становлении джаза.

В 1904 году торговля хлопком привела Вострякова в Среднюю Азию. В архиве ГМИИ сохранилось около полусотни выполненных им стереоснимков с изображениями старинных кварталов Самарканда и Хивы, многолюдных азиатских базаров, колоритных портретов местных жителей.

³ Дед Б.Д. Вострякова, Герасим Иванович Хлудов (1821–1885), собрал в своем доме целую галерею русской живописи. Картины, когда-то ему принадлежавшие, сегодня хранятся в Государственной Третьяковской галерее и других российских музеях. Родной брат деда, Алексей Иванович Хлудов (1818–1882), известен как библиофил, автор уникальной коллекции рукописных и старопечатных книг, пополнившей собрание Государственного исторического музея (Москва).

*Мария Вострякова с дочерью Кирой
и домашним любимцем Лёвой. Фото Б.Д.
Вострякова (?) Фрагмент. Середина 1910-х*

К кадрам, которые косвенно затрагивают сферу профессиональной деятельности купца и фабриканта Бориса Вострякова, можно отнести виды фабричных корпусов и заснеженных улиц провинциального Егорьевска. На рубеже XIX–XX веков огромная бумагопрядильная фабрика братьев А.И. и Г.И. Хлудовых составляла экономическую основу жизни города, давая работу более чем шести с половиной тысячам человек.

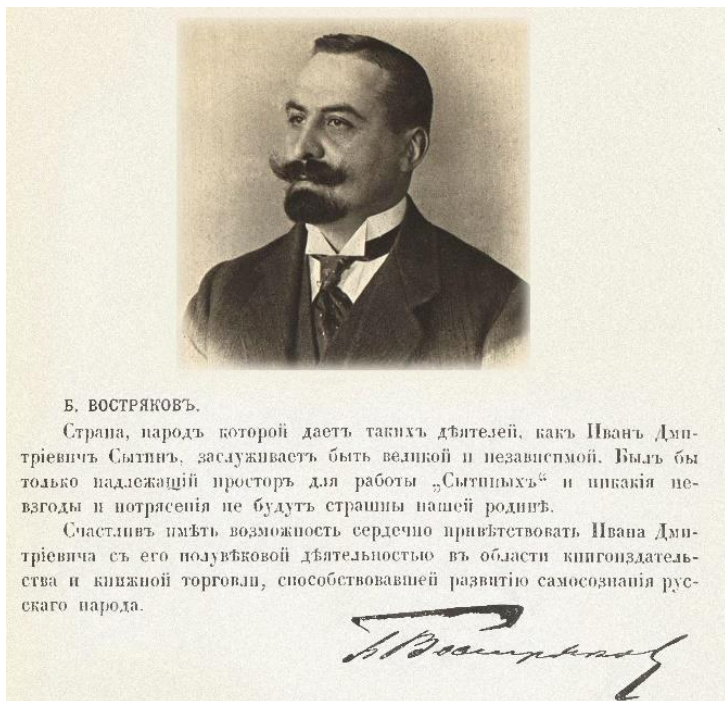
В начале XX века фотографическая фиксация повседневной жизни своей семьи была редкостью. Борис Востряков относился к тем немногим, у кого была такая возможность. Фотограф следит за взрослением старшего сына Вадима, за играми младших – Игоря и Киры; документирует строительство загородного дома в новорусском стиле, где какое-то время жила его первая семья⁴; в различных ракурсах фотографирует усадьбу «Солнцево» на берегу реки Клязьмы, где прекрасно чувствуют себя его супруга М.А. Вострякова⁵, их дети и многочисленные питомцы, не исключая прирученного льва.

⁴ Мария Васильевна Вострякова (урожд. Малютина) – пианистка-любительница, первая жена Б.Д. Вострякова, мать его старшего сына Вадима. М.В. Вострякова вторым браком была замужем за художником и архитектором М.А. Дурновым (1867–1928).

⁵ Мария Александровна Вострякова (1878–1946, урожд. Арбатская) – вторая жена Б.Д. Вострякова. Отличалась решительным, «боевым» характером, в молодости любила ходить в брюках, за что получила прозвище «девочка в штанах». Против воли отца соединила свою жизнь с Борисом Востряковым, еще не разведенным с первой женой. Однако с М.В. Востряковой, была очень дружна как до, так и после вступления в брак.

Охота, а также занятия, напрямую с ней связанные, – такие, как соревнования по стрельбе и разведение ловчих собак, – для верхушки отечественного купечества были не только одним из видов досуга, но и формой общественной жизни, способом поддержания дружеских связей. Заядлый охотник, Борис Дмитриевич на протяжении многих лет входил в правление Московского Общества охоты имени императора Александра II. Кроме того, он всерьез занимался разведением охотничьих собак. Востряков как заводчик пойнтеров по количеству выставленных на полевые испытания легавых и полученных ими дипломов занимал одно из ведущих мест в российском собаководстве. Он же публиковал статьи по кинологии и в качестве судьи сам регулярно участвовал в полевых мероприятиях. Фотографии 1897–1899 годов из охотничьей жизни, со стрельб и полевых испытаний собак дают нам представление о внешности юного Бориса Вострякова. На них запечатлен красивый молодой человек с правильными чертами лица, с уверенной осанкой и, как правило, с сумрачно-серьезным видом. Улыбаться в камеру в то время было не принято, однако в этих фотографиях проявляются не только законы жанра, но и непростой характер Бориса Дмитриевича. По воспоминаниям дочери, Востряков был довольно суровым человеком и, если что-то было ему не по нраву, мог и «скатерть со стола сдернуть».

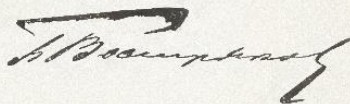
В 1910-х годах Б.Д. Востряков находился в расцвете сил. Согласно справочникам «Вся Москва», в эти годы он состоял членом торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», был директором товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А.И. и Г.И. Хлудовых, директором правления товарищества Норской мануфактуры, кандидатом на членство в дирекции знаменитой экипажно-автомобильной фабрики П.П. Ильина

Б. ВОСТРЯКОВЪ.

Страна, народъ которой даетъ такихъ дѣятелей, какъ Иванъ Дмитриевичъ Сытинъ, заслуживаетъ быть великой и независимой. Былъ бы только надлежащій просторъ для работы „Сытинскихъ“ и никакія невзгоды и потрясенія не будутъ страшны нашей родинѣ.

Счастливъ имѣть возможность сердечно привѣтствовать Ивана Дмитриевича съ его популяризаторскою дѣятельностью въ области книгоиздательства и книжной торговли, способствовавшей развитію самосознанія русскаго народа.

Из сборника «Полвека для книги (1866–1916)».

*Литературно-художественный сборник,
посвященный 50-летию издательской деятельности
И.Д. Сытина. – М., 1916.*

(впоследствии завод «Спартак»), гласным Московской городской думы и выборным Московского биржевого общества.

В 1916 году Борис Дмитриевич входил в юбилейный комитет по подготовке празднования 50-летия книгоиздательской деятельности И.Д. Сытина. К этой дате был приурочен выпуск литературно-художественного сборника «Полвека для книги

(1866–1916)», в подготовке которого приняли участие представители науки, литературы, искусства, промышленности, общественные деятели. Среди многих слов признания и восхищения, обращенных к виновнику торжества, был опубликован и короткий текст Вострякова, добавляющий штрихи к его внутреннему облику: в этих строчках сквозит любовь к Родине, тревога за судьбу своей страны.

После октябрьского переворота 1917 года все имущество фабриканта было национализировано, положение семьи резко изменилось. По семейной легенде, которая, вполне возможно, достоверна, в 1920-е годы Б.Д. Вострякова приговорили к расстрелу, но его спасло то, что в 1905–1906 годах брат Я.М. Свердлов, пользовавшийся библиотекой Вострякова, укрывался от полиции в его доме. Расстрел был заменен ссылкой в Великий Устюг. В конце жизни

Востряков с супругой в очень стесненных условиях жил во Владимире, служил в Госторге. В 1937 году, во время одного из нелегальных приездов в Москву к родственникам, с ним случился сердечный приступ, оказавшийся фатальным.

Фотографии, сделанные в наше время в рамках любительской туристической и семейной съемки, с точки зрения художественной и историко-культурной ценности имеют пока сомнительный статус (хотя востребованы антропологами и социологами). Но как только мы обращаемся к аналогичному материалу ушедших эпох, приходится быть осторожнее в оценках. Историческое измерение меняет восприятие фотоснимка, переводя его в ранг экспоната, интересного для ценителей прекрасного, даже если художественная составляющая в нем невелика. Возможно, это объясняется своеобразной ностальгией по системе культурных и эстетических норм прошлого, проявляющихся в старом снимке, ведь ретрофотография отсылает зрителя не только к изображенному объекту, но также и к породившим ее практикам, идеям и эстетическим критериям.

Электронная публикация доступна [по ссылке](#)